

М.Н. Покровский

Русская история с древнейших времен

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Н. Покровский**
Русская история с древнейших времен: Том 4 / М.Н. Покровский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 420 с.

ISBN 978-5-458-14726-2

Труд М.Н. Покровского ; при участии Н.М. Никольского и В.Н. Сторожева. Книга является первым систематическим марксистским исследованием истории России от первобытных времен до конца XIX века.

ISBN 978-5-458-14726-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

уже достаточно поводовъ къ раздраженію. Донесенія иностранныхъ дипломатовъ и бумаги кабинета министровъ весьма согласно и основательно разрушаютъ предразсудокъ насчетъ того, будто бы воинская повинность шляхетства стала при Аннѣ легче. По поводу образованія Измайловскаго полка—якобы „популярной“ шляхетской мѣры—вотъ что писалъ англійскій резидентъ Рондо: „Ея величество формируетъ новый гвардейскій пѣхотный полкъ, который имѣетъ состоятъ изъ двухъ тысячъ дворянъ; полковникомъ же его назначается генераль-маіоръ графъ Левенвольдъ; всѣ офицеры набираются изъ ливонцевъ или иноземцевъ—это будетъ такъ называемая лейбъ-гвардія ея величества. То будетъ третій гвардейскій полкъ послѣ Преображенскаго и Семеновскаго; но такъ какъ предполагаютъ, что этотъ полкъ станетъ любимымъ полкомъ государыни, гвардейцы двухъ прежнихъ полковъ очень недовольны. Каковы будутъ послѣдствія этого шага, покажетъ время: полки Преображенскій и Семеновскій—сильные полки; въ составѣ ихъ семь тысячъ человекъ, изъ которыхъ нѣкоторые принадлежатъ къ знатнѣйшимъ русскимъ фамиліямъ...“ Въ другомъ донесеніи Рондо прибавляетъ маленькій штрихъ, дополняющій фізіономію новой „лейбъ-гвардіи ея величества“: „около 800 человекъ этого полка уже прибыли изъ Украины“, пишетъ онъ. Такимъ образомъ, не только офицерскій корпусъ измайловцевъ, но и составъ солдатъ долженъ былъ представлять извѣстное этнографическое своеобразие. Какъ и два его старшихъ товарища, новый полкъ возникъ въ отвѣтъ на потребности внутренней, а не внѣшней политики: то была попытка создать своихъ преторьянцевъ, такъ какъ петровскіе не внушали болѣе довѣрія. Но гвардія, провозгласившая Анну самодержавной императрицей состояла именно изъ преображенцевъ и семеновцевъ; они должны были теперь убѣдиться, какъ странно намѣрены съ ними расплачиваться за ихъ услугу. То, что на первый взглядъ кажется отраженіемъ „шляхетской“ политики, на самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказывается шагомъ, направленнымъ чуть не прямо противъ шляхетства 1730 года, которое это хорошо поняло: о недовольствѣ преображенцевъ и семеновцевъ Рондо говоритъ не одинъ разъ. Едва ли не такой же иллюзіей, въ смыслѣ удовлетворенія шляхетскихъ требованій, былъ и кадетскій корпусъ. Въ его стѣнахъ могло найти себѣ мѣсто лишь ничтожное меньшинство дворянскихъ „недорослей“: подавляющее большинство должно было начать

службу, по петровскому обычаю, рядовыми, и притомъ не столько въ гвардіи, сколько въ арміи. Въ бумагахъ кабинета министровъ анненскихъ временъ сохранилось нѣсколько списковъ „недорослей“, призываемыхъ на службу. Въ одномъ изъ нихъ на одного счастливца, попавшаго въ кадеты, приходится пять менѣе удачливыхъ товарищей, отосланныхъ въ военную коллегію „для опредѣленія въ полки въ солдаты“. Въ другомъ на четырехъ гвардейцевъ приходится 38 чело- вѣкъ, которымъ пришлось начинать „солдатскую науку“ въ глухой арміи. Не одинъ разъ встрѣчаются требованія о пере- смотрѣ списковъ отставныхъ чиновъ, съ цѣлью призыва об- ратно на службу тѣхъ, кто еще къ ней годится: имѣлись въ виду едва ли не тѣ, кому слишкомъ легко были выданы указы объ отставкѣ въ меншиковскій періодъ тайнаго со- вѣта. Можно думать, что воскрешеніе такихъ „петровскихъ традицій“ не слишкомъ обрадовало старыхъ петровскихъ служакъ, и что не одинъ изъ нихъ по этому поводу вздох- нулъ о верховномъ тайномъ совѣтѣ, при всемъ пренебреже- ніи къ интересамъ мелкаго дворянства до такихъ мѣръ не доходившемъ. Но былъ пунктъ, гдѣ посаженной шляхетствомъ императрицѣ удалось побить рекордъ не только тайнаго со- вѣта, но, что было труднѣе, начальника тайной канцеляріи, преемницы знакомаго намъ преображенскаго приказа. Въ 1736 году въ военномъ судѣ разбирался одинъ изъ такъ хо- рошо знакомыхъ всѣмъ временамъ и всѣмъ поколѣніямъ рус- скаго общества интендантскихъ процессовъ: для цѣлаго ряда офицеровъ тогда, какъ и теперь, оказывалось гибельнымъ прикосновеніе къ промышленному міру—они не могли уви- дѣть подрядчика или мануфактуриста безъ того, чтобы не взять съ него взятки. „Фергеръ и кригсъ-рехтъ“, дѣйствуя по всей строгости петровскаго артикула, приговорилъ зло- счастливыхъ офицеровъ къ наказанію кнутомъ, вырѣзанію ноздрей и ссылкѣ „въ вѣчную работу на галеры“. Но на- чальникъ тайной канцеляріи, страшный Андрей Ивановичъ Ушаковъ, одно имя котораго доводило тогдашнихъ дворянъ до озноба, а дамъ—до обморока, въ числѣ другихъ сенато- ровъ пересматривая приговоръ, сжалился надъ своей братіей и предложилъ замѣнить кнутъ и каторгу разжалованіемъ въ солдаты. Императрицу страшно возмутило такое слабодушіе ея заплечныхъ дѣлъ мастера и она положила резолюцію, одинаково грозную и для подсудимыхъ и для помирволив- шаго имъ сената. „Учинить во всемъ по сентенціи военного суда,—написала Анна на приговорѣ (т.-е. бить кнутомъ и

рвать ноздри).—А представленный отъ военной коллегіи и отъ сената резонъ для облегченія приговореннаго имъ штрафа, а именно, будто оные впервые сію продерзость учинили, не токмо неприличный, но и удивительный. Оные впервые въ воровствѣ пойманы, а не впервые и не одинъ разъ, но сіе свое воровство чрезъ многіе годы, не престаючи, продолжали. А что по конфирмаціи сената, сверхъ отъ онаго апробованнаго облегченія, и полученныхъ взятковъ съ нихъ не взыскивать (сенатъ предлагалъ взыскать только убытки казны), и то еще удивительнѣе того,—развѣ нагло нашу казну разворовать не въ воровство вмѣняется?*)

Этотъ случай—одинъ изъ массы, безъ сомнѣнія—объясняетъ намъ, почему „бироновщина“ на нѣсколько поколѣній осталась пугаломъ для русскаго дворянства въ самыхъ медвѣжьихъ углахъ. Били жестоко—не менѣе жестоко, чѣмъ при Петрѣ—и били всюду и всѣхъ: если не кнутъ, то правезъ за неуплату подушныхъ почти всякій дворянинъ если не испыталъ на себѣ, то видѣлъ своими глазами на себѣ подобныхъ. Что тотъ, кто далъ имя этому режиму, не былъ характернымъ его представителемъ—такъ утверждаютъ новѣйшіе изслѣдователи, готовые приписать фавориту Анны Ивановны чуть не ангельскую кротость, хотя современники сохранили намъ достаточно образчиковъ, по крайней мѣрѣ, грубости Бирона,—отъ этого жертвамъ „бироновщины“ было, разумѣется, не легче. И отмѣна существовавшаго больше на бумагѣ указа о майоратѣ всего меньше могла, конечно, уравновѣсить въ глазахъ дворянства тотъ гнетъ, который обрушился на его плечи послѣ 1730 года. Оно должно было увидѣть, что, сбросивъ верховниковъ, оно не избавилось даже отъ верховнаго совѣта, какъ учрежденія. Всего черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ переворота верховный тайный совѣтъ вновь воскресъ подъ именемъ кабинета ея величества, офиціально учрежденнаго указомъ 6 ноября 1731 года, фактически же существовавшаго уже въ первый годъ царствованія Анны. Неоднократно цитированный нами англійскій дипломатъ совершенно опредѣленно указываетъ цѣль этого учрежденія еще въ маѣ 1730 года: изъять изъ вѣдѣнія сената, формально только что возстановленнаго во всѣхъ своихъ правахъ и прерогативахъ, наиболѣе важныя дѣла. Русскіе современники, писавшіе о кабинетѣ по свѣжимъ слѣдамъ,

*) Сборникъ Рус. Истор. Общ. т. 117-й, стр. 51—52. Напечатанный текстъ не передаетъ орфографіи императрицы Анны, которая и здѣсь была вѣрна петровской традиціи. „Апробуется“ она писала такъ: „опробуѣца“.

вполнѣ подтверждаютъ эту оцѣнку. „По учрежденіи сперва верховнаго совѣта, а потомъ кабинета—ибо хотя имена разныя, а дѣйство почти одно въ обоихъ было—сенатъ остался уже не въ такой силѣ, какъ прежде было...“, говоритъ одна докладная записка, представленная императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Какъ и верховный совѣтъ, кабинетъ фактически замѣнялъ императрицу—указъ, подписанный двумя кабинетъ-министрами (всѣхъ было три), имѣлъ такую же силу, что и высочайшій указъ. Для довершенія сходства двое первыхъ кабинетъ-министровъ и взяты были изъ числа верховниковъ: Головкинъ и Остерманъ. Третій былъ кн. Черкасскій—лидеръ шляхетства 1730 года, но лидеръ лишь номинальный: декоративная фигура во главѣ дворянскихъ петиціонеровъ, онъ остался такой же декоративной фигурой и въ новомъ учрежденіи. Отъ верховнаго тайнаго совѣта это послѣднее на практикѣ, конечно, очень отличалось—не къ своей выгодѣ. Когда вы отъ протоколовъ и журналовъ верховнаго совѣта переходите къ кабинетскимъ бумагамъ—и тѣ и другіе изданы въ одномъ и томъ же сборникѣ русскаго историческаго общества,—васъ поражаетъ картина политическаго измельчанія и опошленія. Тамъ была яркая, опредѣленная, сознательная политика; здѣсь—жизнь со дня на день, куча бюрократическихъ мелочей, среди которыхъ невозможно уловить никакой опредѣленной политической линіи. Рядомъ съ такой финансово-экономической катастрофой, какъ восстановление соляной монополіи, стоятъ розыски мужика, который „умѣетъ унимать пожаръ“, и заботы о родившейся въ Москвѣ мартышкѣ: императрица непремѣнно требовала доставить ей въ цѣлости и мать, и новорожденнаго. Не мудрено, что найти юридическую формулу для этого учрежденія было еще труднѣе, нежели для верховнаго тайнаго совѣта; но ежели взять для сравненія крѣпостную „контору“ большой барской вотчины, смыслъ кабинета императрицы Анны будетъ намъ очень понятенъ.

Эта реакція феодальной простоты послѣ буржуазныхъ замашекъ правительства Петра давала себя чувствовать въ домашнемъ быту еще сильнѣе, нежели въ официальной жизни. Послѣ царя-плотника и царя-солдата Анна была первой представительницей того типа коронованнаго помѣщика, который такъ надолго удержался въ Россіи. Между подданнымъ и холопомъ для нея было такъ же мало разницы, какъ между камердинеромъ или управителемъ и министромъ. Андрей Ивановичъ Ушаковъ былъ начальникомъ тайной политиче-

ской полиціи, но онъ же былъ и чѣмъ-то въ родѣ главнаго швейцара императорскаго дворца. Приводили сказочницу во дворецъ—Анна любила на сонъ грядущій слушать рассказы о разбойникахъ,—ее прежде всего направляли въ „дежурную, къ Андрею Ивановичу“; нужно было наказать дерзкаго придворнаго (осмѣлился побрезговать ея величествомъ)—гнѣвный голосъ императрицы звалъ того же „Андрея Ивановича“. Коренное дворянское развлеченіе, охота вошла въ честь при русскомъ дворѣ еще съ Петра II; Анна, несмотря на свой полъ, явилась и здѣсь ревностной продолжательницей традиціи если не своего дяди, то своего племянника; слѣдомъ за нею московскія дамы и дѣвицы стали учиться стрѣлять, и императрица живо интересовалась ихъ успѣхами. Но предметомъ барской потѣхи были не только звѣри, а и люди. О шутахъ, переполнявшихъ дворъ Анны Ивановны, слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы стоило распространяться на эту тему. Наличность въ ихъ средѣ отпрысковъ старинной знати уже современниковъ наводила на мысль, будто здѣсь было не безъ политической аллегоріи: Анна хотѣла, видите ли, унижить въ ихъ лицѣ тѣ „боярскія фамиліи“, которыя собирались ограничить ея власть въ 1730 году. Едва ли такія мысли приходили въ голову самой императрицѣ: она просто тѣшилась тѣмъ, что ей попадало подъ руку, когда она приходила въ шутовое настроеніе. То это была старуха-сказочница, которую не женски сильная рука Анны трясла такъ, что ей „ажно больно было“; то доставалось какой-нибудь не въ добрый для себя часъ попадавшей на глаза императрицѣ челобитницѣ, иногда вовсе не простого званія. „Пріѣхала одна знатная полковница въ Петербургъ бить челомъ о заслуженномъ мужа ея жалованьи, котораго было съ 400 рублей, и видя, что нигдѣ опредѣленія сыскать не можетъ, намѣрялась просить самое государыню въ надеждѣ той, что ее давно знаетъ, и, долго ища случая, улучила видѣть, и какъ ее государыня спросила, давно ль она пріѣхата, то она доносила свою нужду и просила съ челобитною о рѣшеніи; то де государыня сказала ей: „вѣдаешь, что мнѣ бить челомъ вамъ запрещено“, тотчасъ велѣла ее вывести на площадь и, высѣкши плетью, деньги выдать, и какъ ее высѣкли, то, посадя въ карету, хотѣли везти къ рентереѣ, чтобы деньги выдать, но она, бояся, чтобы еще тамъ не высѣкли, оставя деньги, уѣхала домой“ *).

*) См. у г. Строева, назв. сочин., стр. 40—41. Изъ одного тогдашняго слѣдственнаго дѣла. Прелестную жанровую картинку изъ придворной жизни времени

У сердитой барыни, какъ водится, былъ нѣмецъ-управитель. И современники, и исторія долго ошибались насчетъ его имени: считали имъ Бирона, а на самомъ дѣлѣ душою анненскаго режима былъ Остерманъ. Биронъ состоялъ лично при особѣ императрицы, и состоялъ настолько неотлучно, что уже одно это мѣшало ему фактически быть министромъ, чѣмъ онъ не былъ къ тому же и номинально: въ составъ кабинета онъ никогда не входилъ. Нѣсколько преувеличивая свое порабощеніе, курляндскій герцогъ въ послѣдствіи даже нехожденіе въ церковь по праздникамъ объяснялъ тѣмъ, что, какъ „всякому извѣстно, ему отъ ея императорскаго величества блаженныя памяти никуда отлучиться было невозможно“. Скорѣе Анна не считала возможнымъ отлучиться отъ своего фаворита. „6-го іюля (1731 года) государыня должна была обѣдать у Михаила Гавриловича Головкина,—писалъ своему министру англійскій резидентъ,—но оберъ-камергеръ имѣлъ несчастіе, сопровождая ее, упасть съ лошади и вывихнуть себѣ ногу, и она вернулась съ нимъ во дворецъ. Этотъ случай вызоветъ, конечно, у вашего превосходительства то же размышленіе, которое онъ вызываетъ здѣсь у каждаго: странно, что ея величество не доѣхала къ графу Головкину и не обѣдала у него только потому, что графъ Биронъ не могъ обѣдать съ нею“. Какъ бы то ни было, что Биронъ мало интересовался русскими внутренними дѣлами, и если вмѣшивался энергично въ политику, то только внѣшнюю (гораздо болѣе доходную, какъ скоро увидимъ), это едва ли подлежитъ сомнѣнію. Функціи управителя и фаворита при Аннѣ отнюдь не смѣшивались. Но это не значитъ, чтобы условное имя „бионовщины“ было просто недоразумѣніемъ: не Биронъ дѣлалъ то, что окрещено этимъ именемъ, но для него это дѣлалось, ибо въ немъ былъ весь смыслъ существованія хозяйки и госпожи всего и всѣхъ. Когда мы читаемъ у того же англійскаго дипломата, что „дворъ на зиму (1731—32 года) переберется въ Петербургъ, такъ какъ фавориты надѣются тамъ избѣжать ежедневно раздающихся жалобъ, находятъ и жизнь тамъ менѣе опасною, чѣмъ здѣсь, такъ

Анны Ивановны сохранили записки княг. Дашковой. „Императрица изъявила желаніе видѣть русскій танецъ и приказала четыремъ изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ исполнить его въ своемъ присутствіи. Мать кн. Дашковой, замѣчательно граціозная плясунья, была въ числѣ этой партіи; какъ, однако жъ, онѣ ни желали угодить царской волѣ, но, испуганныя строгимъ взглядомъ государыни, смѣшались и позабыли фигуру танца; среди общей суматохи императрица встала съ кресель и, приблизившись къ нимъ съ полнымъ достоинствомъ, отвѣсила каждой по громкой пощечинѣ и велѣла снова начинать, что онѣ и исполнили, чуть живыя отъ страха“.

Императрица Анна Ивановна.

Портретъ императрицы Анны Ивановны, дочери Ивана V-го и царицы Прасковьи Салтыковой, снятъ съ гравюры Вортманна 1736 г. (L. Caravaca & S. M. totius Russiae pictor fecit 1730.—С. А. Wortmann Acad. sc. sculp. sculps. Petropoli. A^o 1736). Строго официальное происхождение портрета наложило на него свой суровый отпечатокъ: Анна на немъ изображена такой, какою ее хотѣли представить современному ей обществу, истерзанному нѣмецкой дворней. «Кондиціи» сдѣлали извѣстнымъ имя Анны Ивановны, онѣ же сумѣли его обезславить вмѣстѣ съ чрезвычайными эксцессами ея нѣмецкаго «друга» Бирона; она превратилась въ удивительно «темное пятно» русской жизни, какъ выразился В. О. Ключевскій. Вспомниваясь въ эти искусно выгравированныя черты Анны, нельзя не вспомнить словеснаго портрета, нарисованнаго упомянутымъ историкомъ въ его «курсѣ русской исторіи». Царствованіе Анны—«одна изъ мрачныхъ страницъ нашей исторіи и наиболѣе темное пятно на ней—сама императрица. Рослая и тучная, съ лицомъ болѣе мужскимъ, чѣмъ женскимъ, черствая по природѣ и еще болѣе очерствѣвшая при раннемъ вдовствѣ среди дипломатическихъ козней и придворныхъ приключеній въ Курляндіи, гдѣ ею помыкали какъ русско-пруско-польской игрушкой, она, имѣя уже 37 лѣтъ, привезла въ Москву злой и мало образованный умъ съ ожесточенной жаждой запоздалыхъ удовольствій и грубыхъ развлеченій. Выбравшись случайно изъ бѣдной литовской трущобы на широкой просторъ безотчетной русской власти, она отдалась празднествамъ и увеселеніямъ, поражающимъ иноземныхъ наблюдателей мотовской роскошью и безвкусіемъ. Въ ежедневномъ обиходѣ она не могла обойтись безъ шутихъ-трещетокъ, которыхъ разыскивала чуть не по всѣмъ угламъ имперіи; онѣ своей немолкаемой болтовней угомоняли въ ней ѣдкое чувство одиночества, отчужденія отъ своего отечества, гдѣ она должна всего опасаться; большимъ удовольствіемъ для нея было унижить человѣка, полюбоваться его униженіемъ, потѣшиться надъ его промахомъ, хотя она и сама однажды повелѣла составить синодъ въ числѣ 11 членовъ изъ двухъ равныхъ половинъ, великоросійской и малоросійской». Эту черствость Анны, этотъ ужасъ душевной пустоты, слобренной тираническимъ инстинктомъ, сумѣла оцѣнить одна изъ ея современницъ, одинъ изъ страдальческихъ персонажей XVIII в., Наталья Долгорукая (Шереметева), которая записала въ 1730 г., что Анна «престрашнаго была взору; отвратное лицо имѣла; такъ была велика, что когда, между кавалеровъ идетъ, всѣхъ головою выше, и чрезвычайно толста». Измѣнивъ въ своемъ словѣ верховному тайному совѣту, Анна не менѣе вольно отнеслась къ русскому народу, который для нея, какъ таковой, не существовалъ, а былъ лишь источникомъ ея неописуемаго мотовства. Наводнившіе Россію по мановенію Анны нѣмцы принялись усердно стричь баранье стадо, устройвъ настоящій погромъ народнаго хозяйства и русской знати. «Нѣмцы, пишетъ далѣе тотъ же В. О. Ключевскій, посыпались въ Россію, точно соръ изъ дыряваго мѣшка, облѣпили дворъ, обсѣли престолъ, забирались на всѣ доходныя

мѣста въ управленіи. Этотъ сбродный налетъ состоялъ изъ *клеотуръ* двухъ сильныхъ патроновъ, *каналы курляндца*, умѣвшаго только разыскивать породистыхъ собакъ, какъ отзывались о Биронѣ, и другого каналы, лифляндца, подмастерья и даже конкуррента Бирону въ фаворѣ, графа Левенвольда, оберъ-шталмейстера, челоуѣка лживаго, страстнаго игрока и взяточника. При разгульномъ дворѣ, то и дѣло увеселяемомъ блестящими празднествами, какія мастерилъ другой Левенвольдъ, оберъ-гофмаршалъ, перещеголявшій злокачественностью и своего брата, вся эта стая кормилась досыта и веселилась до упаду на доимочныя деньги, выколачиваемыя изъ *народа*. Исторія бироновщины—процессъ глубокаго разложенія деспотизма и окончательнаго преданія народныхъ интересовъ въ жертву преступной сворѣ пришельцевъ и туземныхъ лакеевъ. Даже у сдержаннаго Соловьева сцена смерти императрицы Анны, безвременно погибшей отъ «истинно царственнаго житія», производитъ рѣзкое впечатлѣніе. 5 октября 1740 г. императрицѣ за обѣдомъ сдѣлалось очень дурно. Вся дворня растерялась; самъ «великій герцогъ», который только что распорядился отсѣчь головы Волинскому, Еропкину и Хрущову, ходилъ смущенный; тщетно вносятъ въ спальню къ императрицѣ на подпись разныя бумаги съ распоряженіями насчетъ осиротѣвшаго государства... Въ суматохѣ выручалъ природный русскій умъ, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, осмѣлившійся написать ни много, ни мало, какъ то, что «*вся нація герцога регентомъ желаетъ*». 16 октября императрица подписываетъ назначеніе герцога Бирона регентомъ россійскаго государства, 17 октября 1740 г. онъ умираетъ, — и «великій герцогъ» становится формальнымъ властелиномъ націи, которая, по словамъ Бестужева-Рюмина, такъ страстно его желала...

В. Стор.

